

Оглавление

<i>От автора</i>	9
------------------------	---

Часть первая

Глава первая. По берегу студеного моря	13
Глава вторая. Школяр в двух столицах	57
Глава третья. Годы учения — годы странствий	105
Глава четвертая. “Первый звук Хотинской оды...”	141
Глава пятая. Великая академическая смута	170

Часть вторая

Глава шестая. Пиитика и риторика	209
Глава седьмая. Сокровенные чертоги природы	294
Глава восьмая. Обустройство пространства и времени	358
Глава девятая. Я жив еще... ..	418
Глава десятая. Слава и хула	553
<i>Основные даты жизни и творчества М. В. Ломоносова</i>	465
<i>Библиография</i>	473
<i>Указатель упоминаемых лиц</i>	579

Глава первая

По берегу студеного моря

1 Невод рыбака расстилал по берегу студеного моря.
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь советник царям.

На эти строки (содержащие евангельскую реминисценцию¹) Пушкина вдохновил сюжет, с которого неизменно начинается любая биография Михайлы² Ломоносова. О том, что профессор, статский советник и пиит появился на свет в семье “простого рыбака”, “в курной избе”, с удовольствием вспоминали и современники, и потомки. Первые — чтобы одернуть выскочку, вторые — чтобы прославить самородка. В противовес поучительной притче рождались разного рода легенды; самая простодушная и распространенная из них называет Ломоносова внебрачным отпрыском Петра Великого.

Что же на самом деле знаем мы о рождении и детстве Ломоносова? Не так уж мало. Гораздо больше, чем о большинстве его современников.

Начнем с даты рождения. На надгробном памятнике начертан только год — 1711. Эти сведения, безусловно, восходят к близким ученого и поэта, а значит, в конечном итоге к нему самому. Позднее в литературе мелькали разные даты — от 1709 до 1715 года.

Церковные записи о рождении и крещении Михайлы Васильева сына Ломоносова не сохранились. Во второй половине XIX века они, однако, как

1 “Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море; ибо они были рыболовы; и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков” (От Матфея 4: 18–19).

2 Форма имени “Михаил” в XVIII веке была сугубо книжной, церковной, как “Иоанн”. В просторечии — Михайло. Так называл себя сам Ломоносов во всех документах; так же будем называть его мы.

будто бы еще существовали. М. И. Сухомлинов, основываясь на “Памятной книге куростровской церкви”, в 1896 году датировал рождение Ломоносова 8 ноября¹ 1711 года. В пользу этой даты говорит и имя нашего героя: в XVIII веке детей иногда называли именем святого, на день празднования которого пришлось их появление на свет, — в этом случае день рождения, который к тому времени изредка, под влиянием немцев, отмечали в городах, совпадал с именинами: на 8 ноября по старому стилю (для XVIII века это соответствует 19 ноября по новому стилю) как раз приходится день Михаила Архангела.

Но есть другие достоверные документы, дошедшие до нашего времени. В Петровскую эпоху в России начались регулярные переписи населения, без которых невозможно правильное налогообложение. В данных ревизских сказок от февраля 1719 года и от сентября 1722 года фигурирует малолетний Михайло Ломоносов, сын государственного крестьянина Василия Ломоносова, соответственно семи и одиннадцати лет. Взрослому Ломоносову — студенту, а затем профессору — тоже несколько раз приходилось указывать свой возраст. Если считать, что при этом он всегда был точен и пунктуален и что так же точен и пунктуален был во время петровских переписей его отец, мы должны датировать его рождение промежутком между февралем и сентябрем 1711 года. В сентябре 1710 года родители Михайлы еще не были венчаны. Потому естественнее предположить, что он появился на свет не раньше июля следующего года. Историк А. И. Андреев в 1951 году предположил, что Ломоносов мог быть крещен по Михаилу Малейну, игумену Афонской Кименской обители, жившему в X веке: день памяти этого святого приходится на 12 июля по старому стилю. (Был еще святой Михаил, Муромский чудотворец, но день его памяти отмечают 21 мая, что в нашем случае слишком рано...) Однако в справочниках по-прежнему указывают 8 ноября, и юбилеи празднуют, исходя из этой даты. Впрочем, это не так уж и важно, тем более что год сомнений не вызывает: разночтения в этой области — результат небрежности и неосведомленности некоторых ранних ломоносовских биографов.

Не вызывает сомнений и место рождения: деревня Мишанинская Куростровской волости Двинского уезда Архангельской губернии. Правда, и здесь не обошлось без разночтений: вплоть до начала XX века биографы называли родиной Ломоносова деревню Денисовку (Денисовскую). Но на сей раз все объясняется просто: еще при жизни “профессора и статского советника” деревня Мишанинская была поглощена разросшейся Денисовкой. Ныне это село Ломоносово.

1 Даты приведены по старому стилю.

Что это означало — родиться в это время в этом месте? Давайте уделим несколько слов земле, на которой Ломоносов появился на свет, и людям, среди которых он родился и рядом с кем прошло его детство.

Гольфстрим, которому Северная Европа обязана мягким климатом, уже сравнительно мало влияет на погоду на южном берегу Белого моря и в бассейне Северной Двины. И все же зимы здесь по русским меркам не особенно суровые: средняя температура января — 12–14 градусов ниже нуля, а ведь полярный круг не так уж далек. Лето несколько прохладнее, чем в Москве и Петербурге: средняя температура июля от 15 до 17 градусов. Такой климат этих мест сейчас; в XVIII веке, в разгар так называемого малого ледникового периода, было немного холоднее.

Огромная часть этих земель (как и весь север Европейской России) была в то время покрыта густым хвойным лесом. Необъятные ели, сосны, лиственницы, чудом пережившие индустриальную революцию, и по сей день составляют главное богатство здешних мест. Деревообрабатывающая промышленность — основа местной экономики, и даже в крупных городах можно встретить множество деревянных домов.

Люди появились здесь в эпоху мезолита, за 1700 лет до нашей эры. Об этнической принадлежности древних аборигенов этих мест нельзя, конечно, сказать ничего определенного, но в первые века новой эры здесь проживали племена финно-угорского и самодийского корней. Иные из них упомянуты арабскими географами. По мнению некоторых исследователей, именно в устье Двины, близ нынешних Холмогор, находилась столица легендарного финно-угорского государства — Биармии. Славяне, поселившиеся в VII–VIII веке юго-западнее этих мест, на Ильмене, звали жителей двинских земель “чудью заволочской”. Распространение славянских колонистов на север приостановилось тогда примерно на широте нынешней Костромы, и лишь в XI–XII веках они стали осваивать огромное пространство от Белого озера до Белого моря. Заселение шло двумя потоками: с юго-запада — из Новгорода, и с юга — из Суздальской земли, но новгородцев, видимо, было гораздо больше. Поселенцы, как часто бывает, быстро сроднились с автохтонным населением. Так появились русские северяне — поморы.

Сегодня среди поморов существует (или еще недавно существовало) движение, требующее признать их особым этносом. Разумеется, отдельным от русских народом поморы никогда не были, но у них есть все, что полагается этнической группе, — собственный диалект (северной, новгородской группы), свои традиционные костюмы, своя кухня, включающая многочисленные рыбные блюда.

Жители севера Восточно-Европейской равнины издавна занимались земледелием — рожь, просо, овес, ячмень при этом климате вызревают, но урожаи все-таки слишком скудны. По свидетельству писателя П. И. Челищева, еще в конце XVIII века большинству холмогорских крестьян приходилось докупать зерна на три-четыре месяца. Гораздо больше дохода приносило молочное животноводство (уже в эпоху Ломоносова существовала холмогорская порода скота). Кроме этого предприимчивые северные мужики выжигали уголь или гнали из хвойной древесины смолу на продажу, женщины, чтобы заплатить подать, пряли холсты. Но ничто не могло сравниться с еще девственными природными богатствами здешних мест. В лесах водились горностаи, куницы, выдры, гнездились рябчики, тетерева, куропатки; Белое море и впадающие в него реки (Двина, Онега, Мезень) кишмя кишели рыбой — не говоря уж о Баренцевом море и океане. Постепенно многие поморы стали рыболовами и “промышленниками”, то есть охотниками на сухопутного и морского зверя. В русском языке той поры слово “промышленность” означало, прежде всего, добычу собольего меха, тюленьего жира, моржового клыка и так далее.

Даже антропологически поморы выделяются среди русских: высокие, круглоголовые, немного скуластые блондины — характерные представители так называемой беломорско-балтийской расы; по типу внешности к ним ближе всего финны. Ломоносов, судя по существующим изображениям, соответствовал именно этому типу. С прочими европейскими северянами типичного помора сближает гордый неуступчивый нрав. Такими вылепила их суровая природа, социальная история позволила этим чертам развиваться и закрепиться: на Русском Севере, как и в Скандинавии, никогда не было крепостного права (по крайней мере в тех формах, в которых оно существовало в средней России). И Ломоносов не составлял исключения: он был человеком большого упрямства и большой гордости. А вот северной флегматичности и сдержанности в нем никогда не наблюдалось.

Правда, не всегда (и не со всеми) поморы проявляли свою гордость. Историк В. В. Крестинин, сам выходец из “двинского народа”, в 1790 году вспоминал: “В начале нынешнего XVIII века подвинские и важеские крестьяне подавали с низкими земными поклонами в Архангельской портовой таможне присутствовавшим бурмистрам и ларешным заставные ярлыки и выписи уездной таможни на привозные товары. Сим коленопреклонением доказывали они наружное свое раболепство, произведенное внутренним страхом перед начальниками посадского чина, которые совсем не так были грозны, как воеводы и дьяки”. Но ведь и все русские люди той поры вели себя похожим образом. Да и правильно ли понимает Крестинин то, что описывает? Земной поклон с преклонением колен, который для чело-

века эпохи Просвещения был величайшим унижением человеческого достоинства, за сто лет перед тем мог быть просто ничего не значащим ритуальным жестом, который так же мало свидетельствует о “раболепстве”, как, к примеру, выражение “ваш покорный слуга”.

Жили поморы в просторных домах из тяжелых тесаных бревен. Узкие слюдяные окна украшали резные наличники. Хозяева размещались во втором этаже: внизу хранили зерно, муку, вяленую рыбу; к дому примыкал крытый скотный двор. Дома были почти одинаковыми и у бедняков, и у состоятельных людей. Издалека эти высокие бревенчатые срубы с широкими сенями, окруженные со всех сторон хозяйственными пристройками, напоминали маленькие крепости. В таком доме, а вовсе не в “курной избе” и не в “рыбацкой лачуге”, и прошло детство Ломоносова. На каждом дворе непременно стояли хозяйственные постройки — для хранения снастей. Быт был суровым, без излишеств, но прочным и основательным.

Зато словесная культура была по-настоящему богатой. Так же как в холодной, отрезанной от Европы Исландии сохранились в неприкосновенности древние скандинавские саги — именно Русский Север стал настоящей сокровищницей для собирателей былин и духовных стихов. При этом северные сказители истово хранили не только память о позабытом феодальном мире Киевской Руси, но и названия никогда не виданных ими деревьев и трав, растущих в совсем иной климатической зоне и упоминающихся в былинах. И конечно, на северных окраинах находили убежище гонимые “раскольники” — прежде всего старообрядцы, последователи протопопа Аввакума, принесшие с собой многочисленные старопечатные и рукописные книги. Но об этом мы поговорим позже.

В основном поморы жили к юго-востоку от Белого моря. На запад от устья Двины тянулся Летний берег, на восток — Зимний берег. Восточнее устья Мезени, там, где покрывавшее приморские холмы редколесье переходило в тундру, начинались становища самоедов (ненцев). На юго-западе, в устье Онеги, нашли приют беглецы-раскольники. Западный берег моря был населен в основном карелами. На крайнем северо-западе, на Кольском полуострове, уже существовали отдельные русские форпосты (крепости, монастыри), не говоря о многочисленных летних промысловых становищах. Собственно, именно Мурман был настоящей сокровищницей для поморских рыбаков. Но жить в этих дальних, непригодных для земледелия местах постоянно пока что мало кто отваживался. В основном их населяли аборигены — лопари (саамы), по языку родственные финнам, но жившие, как и ненцы, традиционным оленеводческим и рыболовным хозяйством. Массовое переселение поморов началось позднее, в XIX веке. Другое дело — южный (Кандалакшский) берег полуострова и его восточный (Тер-

ский) берег от устья реки Варзуги на юге до мыса Святой Нос на севере: их колонизация шла полным ходом. Но, ловя треску, навагу, сельдь, охотясь на моржей и тюленей, на своих старинных судах — ладьях и кочах — уже в XVI–XVIII веках поморы добирались и гораздо дальше: до Шпицбергена (Груманта), Ямала. Само собой, им приходилось по мореходным и торговым делам общаться с западноевропейцами (в основном норвежцами).

До XV века двинские земли и Беломорье принадлежали Новгороду, чья власть была во многом номинальной. В 1471 году, во время первого похода Ивана III на непокорную республику, десятитысячное новгородское войско во главе с князем Горбатым-Шуйским было наголову разбито на берегах Шиленги 3970 москвичами во главе с воеводами Василием Обрасцом и Борисом Слепцом. До нас дошли сведения, что победители потеряли всего десять человек убитыми. Так вошли эти места в состав московских владений. Новые правители на первых порах сохранили власть выборных начальников — земских и сотских, потом стали присылать наместников. Но не все казенные чиновники добирались до места службы, и остатки патриархальной демократии сохранялись среди поморов еще во времена Ломоносова.

В 1553 году, при Иване Грозном, в устье Двины вошел английский корабль. Так начались (точнее, возобновились после почти пятивекового перерыва) регулярные контакты между британцами и русскими. Впервые за послетатарское время морская торговля стала важным фактором экономики; тридцать лет спустя, в 1584 году, царь Федор Иоаннович распорядился заложить город-порт в устье Двины. К тому времени уже два столетия в восьмидесяти верстах выше по течению существовал город Холмогоры (Колмогоры)¹, а в устье, на острове Пур-Наволок, еще в начале XII века был основан монастырь Михаила Архангела. Выстроенный по царскому указу рядом с монастырем “новый Холмогорский город” (Новохоломгоры) с 1613 года — года восшествия на престол Михаила Романова, стал официально именоваться Архангельским городом, или Архангельском. В этом же году город подвергся нападению уже разгромленных под Москвой поляков; нападение было отбито. В 1700 году, в самом начале Северной войны, городом пытались овладеть шведы, но так же безуспешно. То, что Архангельск привлекал завоевателей, неудивительно: до основания Петербурга это был единственный морской порт России, через который осуществлялась ее связь с внешним миром. Но и после создания новой столицы Архангельск сохранял важное значение: теперь как один из главных центров судостроения.

1 Упоминается в летописях со времен Ивана Калиты (1328–1340).

В 1682 году была создана особая Холмогорская и Важская епархия, возглавлявшаяся архиепископом Афанасием (1641–1702), в миру Алексеем Артемьевичем Любимовым, человеком, по меркам своего времени, весьма просвещенным, автором “Толкования на Псалтирь”, собственной редакции “Шестоднева” (своеобразной средневековой естественнонаучной энциклопедии) и ряда сочинений утилитарного характера: “Описание трех путей в Швецию” (своего рода путеводителя для купцов), “Реестр из докторской науки” и прочее. Петр Великий, посещая в 1693, 1700 и 1702 годах Архангельск и Холмогоры (в последний раз он был здесь за девять лет — а не за девять месяцев! — до рождения Михаила Ломоносова), не упускал случая встретиться с ученым и широко мыслящим иерархом. Охотно посещали его и иностранные купцы.

Около Холмогор Двина делится на несколько рукавов, соединенных протоками. Между ними — 29 островов: Ухт-остров, Нарья, Луготин, Наль-остров и другие. Когда, спустя четверть века, Ломоносов окажется в Санкт-Петербурге, где ему придется прожить почти всю оставшуюся жизнь, может быть, чем-то город в невом устье, стоящий на десятках островов, напомнит ему родные места... Самый большой из двинских островов — Куростров. От Холмогор он отделен узкой протокой — Холмогоркой. Люди на Курострове живут по крайней мере с XIII века. В то время там находилась усадьба новгородского посадника (то есть в данном случае — наместника). А прежде, по преданию, здесь было святилище финского бога Юрмолы. “Ельник” — так называлась часть острова, где находилось это языческое капище, — еще в дни Ломоносова пользовался дурной славой; люди там не селились.

В административном отношении остров был разделен на две волости: Ровдогорскую и Куростровскую; их отделял друг от друга Езов луг. Часть пахотных и сенокосных земель на острове принадлежала Антониеву Сийскому монастырю (расположенному девятью шестью верстами выше по течению); крестьяне, жившие на этих землях, числились за монастырем и несли повинности в его пользу — вплоть до 1762 года, когда Петр III упразднил монастырское землевладение. Большинство же куростровцев были черносошными крестьянами, то есть свободными землевладельцами, обязанными только податью царю. Подать считалась “по сохам”, “по веревкам” (то есть по номинальной площади земли), “по животам” (по количеству скота). Лишь пришлых, беспашенных, людей обкладывали податью “по головам”. При Петре была введена всеобщая подушная система обложения.

Кроме земледелия, скотоводства и морского промысла, жители острова подражались иногда на строительные работы, занимались резьбой по мор-

жовой кости (таким ремеслом славилась семья соседей и родичей Ломоносовых — Шубных; из этой семьи вышел известный скульптор Шубин). Особую группу составляли “кречачьи помытчики” — ловцы соколов и кречетов для царской охоты. На этот промысел куростровцы держали монополию: никто, кроме них, не имел права ловить ценных птиц. Крылатых хищников, которых когда-то в Беломорье было немало, приманивали живыми голубями и ловили сетями. Уже при царе Михаиле Федоровиче в Москву поставляли до 100 кречетов в год. К концу правления его сына, большого любителя соколиной охоты, написавшего ее “Устав”, поголовье хищных птиц на южном берегу Белого моря резко сократилось. Кречачьи помытчики в поисках добычи добирались до Мурмана, где на правах “государевых людей” всячески грабили и обижали аборигенов-лопарей. К 1729 году (накануне прощания Ломоносова со студеной родиной) на острове жили девятнадцать кречачьих помытчиков, ловивших двадцать кречетов и тридцать челегов (соколов) ежегодно.

Всего же Куростровскую волость в начале XVIII века населяло 763 души обоего пола, жившие на 219 дворах. В 1710 году на одном из этих дворов, “на деревне Мишанинской” проживали “Лука Леонтьев сын Ломоносов штидесяти пяти лет. У него жена Матрона пятидесяти восьми лет, сын Иван двенадцати лет, две дочери: Марья пятнадцати лет; Татьяна восьми лет. Земли тритцать три сажени. У него же житель на подворьи Василий Дорофеев сын Ломоносов тритцати лет, холост. У него земли тритцать четьре сажени”¹.

2 Распространенное в XVIII–XIX веках предание о том, что фамилию Ломоносов ученый получил уже в Москве, в Славяно-греко-латинской академии, оказалось ложным. Род Ломоносовых известен на Курострове. Фамилия может происходить вовсе не от сломанного носа, а от ломоноса — растения семейства лютиковых. По предположению холмогорского священника и историка-дилетанта А. Градилевского Ломоносовы могли (вместе с Бажениными, Вельяминовыми и др.) бежать на Север из Новгорода после разорения его Иваном Грозным в 1570–1571 годы. Так или иначе, Леонтий Артемьев сын Ломоносов в 1678 году был крестьянином деревни Мишанинской. У него было три сына — Иуда, Лука и Дорофей. Про Дорофея, родного деда нашего героя, мы знаем меньше всего. По всей вероятности, он рано умер, успев, однако, жениться (на девушке

¹ Характерно, что возраст и Луки и Василия “округляется”. По другим переписям им в 1710 году должно было быть соответственно 64 и 29 лет.

из семьи Шубных или из Лопаткиных) и родить четверых сыновей. Иуда и Лука Ломоносовы были мореходами. Иуда владел промысловым становищем на Мурмане “в Виселкине губе”, на паях с холмогорцем Андреем Зыковым. О Луке, пережившем своих братьев, известно больше всего.

Лука Леонтьевич Ломоносов (1646–1727) ходил на чужих кораблях “кормщиком” (капитаном) — по большей части на Мурман, за треской; под старость, по-видимому, завел собственное судно на паях с тремя другими рыбаками, жителями Сумского посада. Глава всего рода Ломоносовых, он пользовался уважением среди односельчан. В 1701 году его выбрали церковным волостным старостой, потом — одним из “выборных людей” Куростровской волости, потом — земским старостой Околопосадской трети Двинского уезда. Таких старост было двое, и они должны были помогать главе местного самоуправления — бурмистру. Закончилась общественная деятельность Луки Ломоносова скверно: дело в том, что опытный корабельщик не умел, как ни странно, ни читать, ни писать и был совершенно неопытен в канцелярских делах. В результате (уже в 1713 году) обнаружилась недостача 30 рублей, которые были отданы без расписки как “переводные за подьячих” некоему горожанину Ивану Федорову сыну Попову. Деньги — огромные по тем временам! — были взысканы пополам с двух старост.

Женат Лука Леонтьевич был только единожды, но матрона Матрена рожала детей до пятидесяти лет, так что Татьяна, младшая дочь Луки Леонтьевича, была четырнадцатью годами моложе своего племянника Никиты Федоровича Большого. Как и его братец Никита Федорович Меньшой (одинаковые имена у родных братьев в то время не были редкостью), он служил таможенным подьячим. Большой — в Архангельске, а Меньшой — в самом Санкт-Петербурге. Лука Ломоносов был, как мы уже заметили, неграмотен. Его сыновья Федор и Иван уже грамоту знали, а внуки выбились в таможенные служащие, в “государевы люди”... Вот три жизненных пути для тогдашнего помора: либо тихо сеять рожь и ячмень, разводить коров — и остаться обычным черносошным крестьянином; либо пуститься в дальние походы за рыбой и морским зверем, рисковать жизнью, но, может быть, разбогатеть и прославиться среди односельчан; либо, освоив грамоту, податься в город — в приказные крючки. Никита Большой и Никита Меньшой выбрали третий путь. Лука и его племянник Василий Дорофеевич — второй.

Видимо, младший сын покойного брата Дорофея был Луке Ломоносову ближе родных сыновей и внуков. Во всяком случае, они жили общим домом и держали общее хозяйство. На двоих у них было шестьдесят семь сажень земли на Налъ-острове и еще четырнадцать сажень усадьбы. Для крестьянского надела на две семьи — маловато. Впрочем, другие наделы

на Курострове были еще меньше. Землепашеством и дяде, и племяннику, все лето проводившим в морских плаваниях, заниматься, видимо, было некогда. Кто же работал в поле? Может быть, младшие родственники или батраки? Сам Михайло Ломоносов с удовольствием вспоминал о морских походах с отцом и ни разу — о занятии каким бы то ни было сельским трудом. Впрочем, это было не то, чем в XVIII веке принято было гордиться.

В любом случае земля была недвижимым имуществом, которое при необходимости можно было обменять на деньги. В 1698 году Лука Ломоносов дал в долг братьям Чурносовым (Чюрносовым) двадцать рублей под залог “поля орамой земли”. Заложенный участок не был выкуплен и перешел в собственность Ломоносова, который точно так же четыре года спустя заложил его под те же двадцать рублей Афанасию Шубному — и тоже не выкупил. В 1714 году, оказавшись в затруднительном положении из-за помянутой выше истории с казенной недоимкой и наложенным за нее штрафом, дядя и племянник (уже женатый) продали некоему Козьме Сазонову уже собственную “пожню сенных покосов”... Возможно, мореходы Ломоносовы отдавали свои не слишком большие земельные владения исполу тем же Шубным или Сазоновым, а при нужде закладывали и продавали их? (Тут надо пояснить, что формально земля, на которой жили черносошные крестьяне, принадлежала государству и находилась в коллективном пользовании крестьянского “мира”, но вплоть до середины XVIII века поморы распоряжались ею как своей собственностью; позднее это было запрещено.)

Вскоре после переписи 1710 года, предположительно в ноябре, Василий Ломоносов женился на двадцатилетней Елене Ивановне Сивковой, недавно осиротевшей дочери дьякона Николаевского Матигорского прихода, чьи предки были монастырскими крестьянами. В отличие от своего мужа-корабельщика и его дяди-старосты, дочь дьякона была, видимо, грамотна. Но научить сына Михайлу грамоте она не успела: в 1719 или 1720 году Елена Ломоносова умерла.

Год, два или три спустя Василий Ломоносов женился вторично — на Федоре Михайловне Узкой или Усковой. От этого брака родился сын Иван, проживший, видимо, недолго. Вскоре и Федора Ломоносова умерла. На судьбе ее пасынка второй брак отца никак не сказался, не считая того, что Василий Дорофеевич решил наконец жить отдельно от дяди и построил свой дом. Этот дом не сохранился; зато сохранились остатки рыбноводного пруда — единственного на Курострове, — устроенного Василием Дорофеевичем. Человек он был, несмотря на неграмотность, изобретательный, смелый и расторопный; некоторые из своих черт сын унаследовал от него.